

06.11.98

Умный человек часто слывет сумасшедшим... Гельвещий

Мерт. Россия - 1998 - 6 нояб. - с 12

ГОРЬКИМ СЛОВОМ МОИМ ПОСМЕЮСЯ...

Пожалуй, нет у нас еще такого писателя, чья жизнь и даже кончина были бы овеяны столькими мифами, домыслами, легендами... Может быть, потому, что творчество Гоголя пронизано духом мистики и сказочности...

Николай Васильевич Гоголь прожил всего сорок три года. Часто болел, много лечился, объездил всю Европу в поисках хорошего врача, который установил бы причину его необъяснимого недуга. Одним он казался капризным, как маленький ребенок, другим — умудренным жизнью старцем, третьим — записным балагуром... «Смех великое дело, — писал Николай Васильевич Гоголь, — он не отнимает ни жизни, ни имения, но перед ним виновный как связанный заяц».

После выхода в свет «Вечеров на хуторе близ Диканьки» со страниц повестей впервые в отечественной литературе повеяло народным украинским колоритом. Реальная жизнь перемежается в них с фантастическим вымыслом, а мрачное настроение сменяется добродушным юмором. Гоголь одним именем обозначил целую эпоху в истории нашей литературы. Эпоха эта могла не состояться, ибо рождение Гоголя было предначертано.

Первые упоминания о Гоголях мы находим в летописях XVII века — в одном из самых драматичных периодов в истории Украины, когда Богдан Хмельницкий явился к запорожцам и сказал: «Хватит нам терпеть этих поляков! Давайте соберем Раду и будем защищать церковь православную и Землю Русскую!»

Защищаться пришлось от немецкой артиллерии, польских гусар, крымских татар, за спиной которых была Турция. Хмельницкого предали крымские татары в угоду польскому королю Яну-Казимиру. В 1665 году казацкие старшины собрали свою Раду и «выкликнули» гетманом Петра Дорошенко, правой рукой которого стал Остап Гоголь.

Известно, что полковник моголевский Остап Гоголь получил от польского короля Яна-Казимира грамоту на село Ольховец в 1674 году. Сын Остапа Прокопий считался польским шляхтичем. Но совершенно неожиданно его сын Ян становится православным священником села Кононовки, как впоследствии и его сын Демьян Гоголь-Яновский также стал священником кононовской Успенской церкви. Афанасий Демьянович, дед писателя, окончил Киевскую духовную академию. Он был образованным человеком, считался знатоком латинского и немецкого языков. И его пригласили учителем к дочери Семена Семеновича Лизогуба, внука гетмана Скоропадского, Татьяне. Судьбе было угодно, чтобы молодые полюбили друг

друга. Любопытно, что свое признание в любви в этом строгом доме молодой учитель рискнул послать ученице в скорлупе грецкого ореха. Родители рассчитывали на лучшую партию, ведь внучка гетмана принадлежала к «высшему» местному обществу. Молодые не смирились с отказом, сбежали из дома и тайно обвенчались. Разгневанные родители отказали строптивце в приданом, но позже братья подарили беглянке деревню Васильевку, ставшую именем родителей писателя.

«У дедушки и бабушки, — писала сестра Николая Васильевича Ольга Васильевна Гоголь-Головня, — долго не было детей; на четырнадцатом году родился мой отец; единственное было дитя».

Василий родился слабым, часто болел. Родители много молились о его здоровье. Однажды, когда ему исполнилось тринадцать лет, они поехали в Ахтырку на богомолье — поклониться образу Божьей Матери. Там и заночевали, и во сне ему явилась Царица Небесная в порфире и короне, она сказала: «Ты будешь одержим многими болезнями, но то все пройдет — ты выздоровеешь, и вот твоя жена». И он увидел у ног ее маленькое дитя. Черты лица этого ребенка врезались ему в память. Вскоре сон забылся. Но судьбу не обманешь, и привела она Василия Афанасьевича в церковь неподалеку от их усадьбы в местечке Ярески на реке Псле. Там он и встретил свою будущую жену — Машеньку.

Мария Ивановна, мать писателя, рассказывала об этом со слов своей тетки: «Когда вынесла кормилица дите семи месяцев, он взглянул на него и остановился от удивления: ему представились те самые черты ребенка, которые показали ему во сне... Когда я начала подрастать, то он забавлял меня разными игрушками, даже не скучал, когда играл в куклы, строил домики с карт, и тетя моя не могла надивиться, как это молодой человек не скучал заниматься с таким дитем по целым дням...»

Спустя тринадцать лет он видел тот же сон и в том же храме, вышла девица в белом платье с блестящей короной на голове, красоты неописанной и, показав рукой ему в левую сторону, сказала: «Вот твоя невеста»...

Мария Ивановна с удовольствием вспоминала о времени, когда Василий Афанасьевич посватался к ней.

«Тогда мне было всего тринадцать лет. Я чувствовала к нему что-то особенное, но оставалась

спокойной. Жених мой навещал нас у тетки в местечке Ярески. Он иногда спрашивал, могу ли я терпеть его и не скучаю ли с ним. Я отвечала, что мне с ним приятно, и действительно, он был всегда любезен и внимателен ко мне с самого детства... Когда я ушла, он сказал тетке, что очень желал бы жениться на мне, но сомневается, могу ли я любить его. Она отвечала, что я люблю его, что я доброе дитя и могу быть хорошей женой, что она уверена, что я люблю его, потому что скучаю, когда долго не вижу, а что я так отвечала потому, что боюсь мужчин, слышавшись от нее, какие они бывают лукавые. Когда он уехал, тетя позвала меня и передала предложение. Я сказала, что боюсь, что подруги будут смеяться надо мной; но она меня урезонила, и нас сговорили... Когда мне было четырнадцать лет, нас перевенчали в Яресках; потом муж уехал, а я осталась у тетки, оттого, что еще была слишком молода; потом гостила у родителей, где часто с ним видалась. Но в начале ноября он стал просить отдать ему меня, говоря, что не может более жить без меня. Так вместо году я пробыла у них один месяц. Они благословили меня и отпустили. Он привез меня в деревню Васильевку, где встретили нас отец и мать. Они приняли меня, как родную дочь. Свекровь наржала меня по своему вкусу и надевала на меня свои старинные вещи. Любовь ко мне мужа была неописанная; я была вполне счастлива. Он был старше меня на тринадцать лет. Я никуда не выезжала, находя все счастье дома».

От этого брака родилось двенадцать детей, из которых выжили лишь Николай Васильевич и четверо его сестер. До Николая, как пишет сестра писателя О.В. Гоголь-Головня, «у нашей матери было два выкидыша». По всей вероятности, она была слишком молода. Поэтому ученым было важно установить в евгеническом отношении, что писатель родился не от пятнадцатилетней девушки, а от восемнадцатилетней женщины.

Опасаясь за жизнь будущего ребенка, в ожидании новых родов она переехала в Сорочинцы, где жил знаменитый в то время врач Трофимовский. Еще до родов Мария Ивановна дала обет, если разрешится сыном, то назовет его Николаем в честь чудотворного образа Николая Диканьского. Священник села Диканьки по просьбе родителей молился до тех пор, пока не родился, к счастью, здоровый мальчик, и после отслужил благодарственный молебен.

Родился Николай Васильевич 20 марта 1809 года. По воспоминаниям друга семьи Г.П. Данилевского, «новорожденный Николай был необыкновенно слаб и худ. Долго опасались за его жизнь. Через шесть недель он был перевезен в родную Васильевку-Яновщину».

Вслед за Николаем, или, как его звали домашние, Никошей, родился Иван. Братья-погодки были очень привязаны друг к другу. Когда они подросли, их отправили учиться вместе в полтавское поветовое училище. Изучали чистописание, правописание, географию, арифметику, историю, священное писание — всего тринадцать дисциплин. Среди перволашек сидели переростки по 12 — 14 лет. Братья Гоголи жили на квартире у чужих людей, часто опаздывали на занятия, а то и вовсе не приходили. Об их способностях учителя отзывались так: Николай Яновский «туп, слаб, резов», а

Иван «туп, слаб, тих». Иван постоянно болел, а когда родители окончательно решили его забрать домой, он внезапно умер. Никошу не могли увести от могилы брата, он просиживал возле нее часами — слишком велико было его потрясение. Через несколько лет он написал поэму о своем брате и себе — «Две рыбки».

Отчего умер Николай Васильевич Гоголь?

Николаю исполнилось шестнадцать, когда умер его отец. Тогда он написал матери из нежинской гимназии, что, узнав о смерти отца, хотел выбраться из окна, но вспомнил о ней и успокоился. Сколько в его словах детской надежды, страха и доверчивости: «Вы ведь еще такая молодая...»

В том же, 1825 году, окончив гимназию, он написал матери: «...вы обо мне услышите или очень хорошее или вовсе ничего не услышите...»

Гоголя окружало немало привлекательных, умных, образованных женщин. Одной из таких его знакомых была Александра Осиповна Смирнова, принимавшая живое участие в судьбе писателя. И, кажется, он был неравнодушен к ней. Но когда она, смеясь, наметнула ему на это, он весьма сдержанно поблагодарил ее и постарался всячески сократить их встречи.

Была в его жизни и другая женщина, которая вдохновила его на почти невероятный шаг — посвататься к ней. Это графиня Анна Михайловна Вильгорская. Но Вильгорские, как большинство титулованных людей, никогда не могли бы допустить и мысли о родстве с человеком, так далеко отстоявшим от них по рождению. Гоголь же возмечтал о женитьбе. Тогда он писал другу Плетневу: «Интересна очень незамужняя (меньшая) дочь Вильгорских Анна Михайловна. Это существо небеснее (если только уж возможно) и Софии Михайловны (Сологуб, ее сестры)». Анна Михайловна, по-домашнему Анюлина или Нозы, по словам В.Сологуба, «единственная женщина, в которую влюблен был Гоголь». А по утверждению Аксакова, Гоголь пытался изобразить Анну в Уленьке из второй части «Мертвых душ». И он, всю жизнь бегавший от женщины, воспевавший, как его собственный герой Иван Федорович Шпонька: «Как жена! Нет-с, тетушка, сделайте милость... Вы совершенно в стыд меня приводите... Я еще никогда не был женат... Я совершенно не

знаю, что с нею делать!» — вдруг решился сделать предложение.

Анна Михайловна, конечно, не думала о возможности связать свою судьбу с Гоголем. «Оказалось, что Вильгорские, при всем расположении к Гоголю, не только были поражены его предложением, но даже не могли себе объяснить, как могла явиться такая странная мысль у человека с таким необыкновенным умом» — писал биограф писателя Владимир Иванович Шенрок со слов родственников графини Вильгорской.

Николай Васильевич получил решительный отказ и уехал из Петербурга в Москву, откуда он написал Анне Михайловне письмо: «Скажу вам из этой исповеди одно только то, что я много выстрадался с тех пор, как расстался с вами в Петербурге. Изныл всей душой, и состояние мое так тяжело, так тяжело, как я не умею вам сказать».

Он искал свою музу, дабы продолжить творчество и создать новое талантливое произведение — второй том «Мертвых душ», но муза вышла замуж за князя А.И. Шаховского, и вторая часть романа хотя и была написана, но не состоялась.

С того времени начались его душевные муки, он страдал долго, страдал душевно — от своей нелюбви, от своего мнимого безобразия, от своей застенчивости, от безнадежной любви, от своего бессилия перед обидными русской грамотной публики, избравшей его своим кумиром. Общественный деятель славянофил Ю.Ф. Самарин писал А.О. Смирновой: «Я глубоко убежден, что Гоголь умер оттого, что он создал про себя, насколько его второй том ниже первого...» Имелся в виду, конечно, второй том «Мертвых душ».

При чтении глав из второго тома друзьям не хватало духу сказать, что они думали, но Гоголь-то все и сам понимал. И вот настали роковые дни. В воскресенье перед постом 10 февраля 1852 года он позвал к себе графа Толстого, у которого жил тогда, и в предчувствии смерти поручил ему взять его бумаги и отвезти к митрополиту Филарету и просить его совета: что следует напечатать, а чего не следует.

Граф, опасаясь его мрачного настроения и не желая утверждать в мысли о смерти, отказался. И вот тогда Николай Васильевич сжег все свои тетради.

«Долго огонь не мог пробраться сквозь толстые слома бумаги, но наконец вспыхнул, и все поггло», — писала графиня Е.В. Сальяс. Рассказывали, что Гоголь долго сидел неподвижно и наконец проговорил: «Негарно мы зробили, негарно, недоброе дило». А графу Толстому наутро жаловался: «Вот что я сделал! Хотел было сжечь некоторые вещи, давно на то приготовленные, а сжег все! Как лукавый силен, — вот он к чему меня подвинул!»

Лукавый подвинул его к творческому кризису, а причиной тому явилась ангелоподобная Анна Вильгорская. В конечном счете он потерял смысл и жизни, и творчества, и сам отвернулся от себя, обрекая себя на медленное самоубийство.

Гоголь не раз говорил, что ему представлялось какое-то видение. Дня за три до кончины он был уверен в своей скорой смерти. И сам ее торопил. Он все время лежал в постели, одетый в синий шелковый халат, лицом к стене.

Одним из последних слов, сказанных им еще в полном сознании, было: «Как сладко умирать».

Надпись на надгробном памятнике Гоголю взята была из книги пророка Иеремии, она гласила: «Горьким словом моим посмеюся».

Марина ЧЕРКАШИНА